

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**СПАСИ
МЕНЯ**

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕ
ПЕРЕПОДАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Спаси меня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7501138
Соболева, Лариса Спаси меня : [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083141-8

Аннотация

Алина Иванникова удачно выходит замуж и, став госпожой Дюбери, остается в Бельгии. Забыть о беспросветной жизни в России мешает оставшаяся на родине младшая сестра Вероника. Алина оказывает младшей сестре щедрую помощь, не скупясь на подарки и деньги. И вот однажды получает странное письмо, в котором всего два слова: «Спаси меня». Преодолевая невероятные трудности, Алина приезжает в родной город. Пытается встретиться с сестрой и понимает, что Вероника избегает ее. И тогда Алина нанимает частного сыщика Макара Дергунова, которому путем всяческих ухищрений все-таки удается выманить младшую сестру на встречу. Она приходит в назначенное место. Но... это оказывается не Вероника...

Ранее книга издавалась под названием «Особые приметы ангела»

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	24
5	32
6	40
7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лариса Соболева

Спаси меня

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ»

1

Он сжимался в маленький комочек. Сжимался до тех пор, пока не понял: очень холодно. Понимание пришло откуда-то издалека, а не являлось актом осмысления. Не открывая глаз, Макар зашарил руками по постели в поисках одеяла, чтоб укрыться, но ничего под руку не попало. Тогда он недовольно сморщился, но глаз все равно не открыл, ибо веки не поднимались, они весили все сто тонн.

Макар не знал – утро сейчас, вечер или глубокая ночь, да и не особенно его это интересовало, а вот холод – паршивая штука. Он наконец свернулся калачиком, сложил ладони и сунул их между коленей. Лежал так некоторое время, однако холод тронул плечи, охладилась подушка, даже волосы быстро остывали, как кипятки на морозе. И вообще, воздух вокруг дышал морозной свежестью. Макар и на этот раз не задумался, почему в квартире так холодно, он перевернулся на другой бок и принял ту же позу – калачиком.

Совершенно неожиданно его нос коснулся легкий аромат чего-то неземного. Макар потянул носом, принюхиваясь. Запах нежности и утренних грез пропал и возникал заново, а откуда он шел – было непонятно. И настолько этот божественный аромат являлся чужеродным в запущенной квартире Макара Дергунова, что волей-неволей его потянуло узнать, где находится его источник. Макар приоткрыл один глаз (второй просто не захотел открыться, как Макар ни старался) и вяло повел головой, изучая пространство. Хоть и муть стояла перед глазами, он разглядел: балконная дверь нараспашку!

Вон откуда холодина, ведь на улице... Макар на минуту задумался: а какое число сегодня? Месяц он помнил – март, а число нет. Но может, и не март, может, уже наступил апрель. Так и не вспомнив число, он уставился одним глазом на балконную дверь и тюлевую занавеску, вздымавшуюся под порывами ветра, с трудом выговорил:

– Какая сволочь открыла балкон?

По идее, ему никто не должен был ответить, потому что в своей квартире он проживал один. Каково же было его удивление, когда он услышал мягкий и чистый голос:

– Я.

Голос был женский! Откуда взялась здесь женщина? Да еще с чистым, а не прокуренным и осипшим до омерзения голосом? Женщины с чистыми голосами его бросали, женщин с прокуренными голосами бросал он. Однако в его квартире находилась дама, что невероятно, потому что последнее время со слабым полом он не общался. Тут уж и второй глаз приоткрылся наполовину.

– И кто ты? – спросил он, протирая глаза кулаками.

– Повернитесь и увидите.

Макар собирал силенки: после вчерашнего, и позавчерашнего, и позапозавчерашнего силы были растратены до последних капель. Так вот, собрав остатки этих самых капелек, он повернулся на бок, на котором проснулся, и...

У окна, в ярком солнечном луче, стояла женщина в белых одеждах. Возможно, это не женщина, возможно, ангел спустился с небес. Лица он не разглядел, впрочем, вряд ли у ангела есть конкретное лицо и особые приметы. При всем при том ангел как-то проник в квартиру, значит, пришел с определенной целью. Со скрипом мозги Дергунова заворочались, ибо его заинтересовало: а зачем ангел явился в его берлогу? Как же, как же! Они приходят за душами. Это ангел смерти. Значит, Макар Дергунов умирает. Или умер. Он застонал, покрывшись липким потом, несмотря на холод:

– Вот, значит, как это выглядит...

– Что именно? – осведомился ангел женским голосом.

– Ну... ты за мной, да?

– Разумеется, вы мне нужны, поэтому я здесь. Но вы не в том состоянии...

– А тебе не все равно, в каком я состоянии? – удивился он. От удивления даже сел. Наконец нашел одеяло, оно лежало скомканное у ног. Макар натянул его на плечи и с неприязнью изучал посланца смерти. – Гляди-ка, еще перебирает. Чего, ТАМ у вас пьяниц не принимают? И не надо. Я к вам не тороплюсь.

– Не понимаю, куда вы не торопитесь? – спросил ангел.

– Куда, куда... – проворчал Макар, кутаясь в одеяло и чувствуя, что озноб его бьет уже не от холода. – Собственно, действительно – куда? В рай меня не возьмут, а в ад... чего-то не хочется. А впрочем, если в аду наливают...

– Послушайте, Макар, мне вовсе не до шуток.

И ангел вышел из светового пятна, заливавшего его.

Это оказалась миловидная молодая женщина, одетая в пальто из тонкой кожи бежевого цвета. Обычно Дергунов изучает женский пол снизу вверх, на этот раз он медленно провел глазами по ее фигуре сверху вниз. Одетая она с шиком, который не сразу и в глаза-то бросается, очевидно, из-за доминантной ноты в одежде. Брюки, перчатки, шляпа и даже сумочка ни на йоту не отличались колером от пальто, отчего первоначально создавалось впечатление, что ее наряд довольно скромный. Только блузка выделялась снежно-белым цветом, да в ушах белело по жемчужине. Из-под шляпы выбилась светлая прядь, по которой Дергунов определил, что женщина блондинка. Обыкновенная блондинка! По мнению Дергунова, все блондинки безнадежные дуры – по бывшей жене знает.

– Пардон, мадам, – нахмурился он, догадавшись, что к ангелам она не имеет никакого отношения, – откуда ты взялась?

– Вошла.

– Хе! – он издал звук, означавший недоумение. – Как это – вошла?

– Я звонила, но вы не отзывались. Потом тронула дверь, а она открыта. Я и вошла. Извините...

Дергунов, освободившись от страха, что его забирают на тот свет высшие силы, возмутился и не постеснялся произвести на даму плохое впечатление:

– На хрен ты балкон открыла?

– Я не могла вас разбудить. Подумала, что от холода вы сами проснетесь, поэтому открыла балконную дверь. Простите меня.

– На хрен ты меня будила? – еще больше возмутился он.

– Мне посоветовали обратиться к вам...

– Нет, я никак не въеду. Пришла, вошла... Ты соображаешь? Ты пренебрегла законами, охраняющими частную собственность.

– Но... я у вас ничего не трогала.

– Не имеет значения. – Он пригладил русые вихры, в это время у него рождалась мысль и, наконец, родилась: – Не хочешь, чтоб я возбудил против тебя дело? Уголовное? Гони штраф.

Это был примитивный ход вымогателя, и Дергунов стал сам себе противен, но деньги нужны на опохмелку.

– Хорошо, я дам вам денег, – легко согласилась она, открывая сумочку, что привело его в неопишное изумление.

Он завертелся на месте, оглядываясь, словно искал незаменимую вещь, без которой не мыслил существования. А женщина застенчиво бормотала своим нежным голосом:

– Мое присутствие вам неприятно, ладно, я уйду. Только давайте договоримся. Сегодня вечером я буду ждать вас в ресторане «Интурист». Вы придете?.. Что вы ищете?

– Себя, – буркнул он, но «себя» не нашел, потому уставился на даму, протянувшую ему две купюры. – Что это?

– Деньги. Берите, берите.

Дергунов взял бумажки, выпятил нижнюю губу и рассмотрел их на свет. Денег у него не было ни копейки – это он хорошо помнил. Вчера пил за чужой счет, хотя не имел привычки халаяничать, но кто не даст себе послабления, когда на душе паршиво, а внутри жжет? Он бы бросил пить с превеликим удовольствием, но зачем? Всегда следует задавать себе вопрос: зачем? Ну, бросит, что тогда? Что-нибудь изменится? Абсолютно ничего. Прибавится раскаяние, одолеет вина, накатит прочая дрянь под названием совесть, и начнут стегать и без того израненную душу, как последнюю клячу. А потом надо будет унижаться и проситься на работу, и тебе каждая мелочь пузатая морали читать станет. Уж лучше пить, – к такому выводу всегда приходил Макар, проанализировав последствия трезвой жизни.

– Мерси, мадам, за щедрый дар, – сказал он, бросив две бумажки по пятьдесят евро на тумбочку и взглянув на незнакомку недружелюбно. – Только моя не понимает: с каких хренов ты так расщедрилась?

– Я думаю, сейчас вы не способны понять. Жду вас вечером в ресторане.

– И думаешь, меня пустят в «Интурист»?

– А разве туда людей не пускают? – Вопрос ее звучал наивно.

– Таких, как я, не пускают, – заверил он.

– Я предупрежу, чтобы вас пропустили, но тогда захватите паспорт на всякий случай. Давайте встретимся в семь вечера? Вы мне очень нужны. Меня убедили, что вы гений. Пожалуйста, приходите. Я буду вас ждать. Хватит времени привести себя в порядок?

– Угу, – кивнул он, да так, что чуть голова не отвалилась, а мозги сбились в одну кучку, казалось, под черепом их мало-мало.

– До вечера, – сказала незнакомка и заскользила к выходу, обдавая Дергунова божественным ароматом.

Захлопнулась дверь. Макар некоторое время сидел, нахмутив лоб. Ему показалось, что женщины вообще не было, она ему привиделась. Но, переведя взгляд на деньги, он расслабился и самодовольно хмыкнул. Затем его одолели новые тревоги: а если это все же галюники? Вот так допился! До последней ручки! Он тронул деньги пальцем – они не испарились. Вчера не было ни копейки, а сегодня целое состояние привалило!

И тут из-за шкафа вышел... Макар Дергунов с ехидной усмешкой на губах, держа руки в карманах. Этот Макар не пьет, как денди лондонский одет, он рассудителен, умен. Этого Макара никто, кроме самого Макара, не видит, хотя он состоит из такой же плоти, как все, наверняка в нем течет обычная кровь. Самое поразительное, хотя этот человек давно перестал удивлять Макара, и его можно потрогать руками, что с ним можно разговаривать, но... Но Макар знает, что второго Дергунова на самом деле нет, и быть не может. Но, несмотря на то, что его нет, он есть! Как это случилось? Элементарно.

Когда Макар работал рядовым легавым, сначала он слышал некий голос, который подсказывал, что да как надо делать. Люди называют сей феномен интуицией, наитием, внутренним голосом. Возможно, они правы. Но Макар слышал голос своей интуиции отчетливо и ясно, будто в нем жил еще один человек. Это было чертовски увлекательно. Например, есть пять подозреваемых, и Макар вычислял преступника по подсказке внутреннего голоса. Практически не ошибался! Или попадалось глухое дело, Макар умудрялся найти единственно правильный путь к распутыванию опять же благодаря интуиции. Да-да, многие говорили, это талант от рождения, но Макару так не казалось, потому что он пользовался подсказками неизвестной сущности. Позже, когда его закрутила жизнь, когда первые потери больно ранили, когда дураков стало невообразимо больше, чем положено, особенно на местах начальников, когда... в общем, Макар начал попивать. Скандальничать он не любил, следовательно, сбросить отрицательную энергию было некуда, а спиртное способствует уравниванию нервной системы.

Однажды во время недельного запоя от него ушла жена, но пришел... второй Макар Дергунов. С тех пор он нет-нет да и появится, когда на душе погано. Спорит, преподносит идеи, дразнит, раздражает. Одновременно скрашивает его одинокую жизнь. Поначалу Макар испугался: белая горячка! Специальную литературку почитывал на эту тему, но идентичных примеров не нашел. Ну, являлись людям святые угодники и даже господин бог, некоторые воображали себя Цезарем или Менделеевым. Нашел нечто похожее – раздвоение личности, только вторая личность сидела внутри и мешала жить, на свет не появлялась. Макар успокоился. Ведь про психов гражданам врачам известно все досконально – думал он, – если бы кому-то еще являлся он сам, это явление непременно подверглось бы изучению и описанию. А раз подобных примеров нет, значит, проблемы тоже нет.

Логика в его рассуждениях была железная, потому он воспринял свое собственное воплощение вполне нормально. Правда, никому ни слова не сказал. Он прекрасно знал, куда пролегает дорожка после неосторожных слов. Вот сказал бы той же жене: «Мне являюсь я сам», – что бы она сделала? Безусловно, отправила бы мужа в дурдом на длительный отдых. А Дергунову в дурдоме делать нечего, да и Макар-два появляется редко. Кстати сказать, он стал необходим Макару, ведь по-настоящему ему и перекинуться словом не с кем.

Да, Макар искал себя, когда понял, что дамочка настоящая. Почему искал? Потому что незнакомка, пробравшаяся в квартиру, привнесла дискомфорт, он не знал, как на нее реагировать.

Тем временем Макар, который вовсе не Макар, а всего-то двойник, или воплотившаяся в плоть интуиция, или вообще черт его знает кто, оперся о шкаф плечом и смотрел на настоящего Макара в постели с осуждением. Впрочем, так начинается каждое утро после длительной попойки. Но лучше пускай он приходит неизвестно откуда, чем просыпаться в полном одиночестве.

– Ну, давай, давай, Дергунов, воспитывай, – промямлил Макар, слезая с кровати и закутываясь в одеяло. – У меня там, кажется, записка есть.

Он рванул на кухню, по пути ногой захлопнул балконную дверь. На кухне стал на четвереньки и под плитой нащупал бутылку. Испустив вопль дикаря над добычей, Макар подскочил и вдруг поморщился, глядя на себя же, то есть на Дергунова-два:

– Что, нельзя? У меня голова трещит по швам.

– Ты алкоголик, – пренебрежительно сказал Дергунов номер два.

– Я пока пьяница, – тут же возразил ему Макар. – А знаешь, чем отличается пьяница от алкоголика? Не знаешь? Алкоголик не может остановиться, пьянице это раз плюнуть.

– Тогда плюнь и не пей, – подловил его Дергунов-два.

– В честь чего это? – недоумевал Макар.

– А просто не пей.

– А тут и пить нечего, – нашел отговорку Макар. – Сто пять граммов. Вчера припрятал, когда был при памяти.

– Ты не пойдешь на встречу?

– А чего я там не видел? – хмыкнул Макар, наливая в стакан первача.

– Ты уже не способен ворочать мозгами? – высокомерно бросил Дергунов-два. – У нее к тебе дело, судя по всему, важное.

– Да пошла она... – и он выпил. Поморщился от омерзения, ибо первач далеко не изысканный напиток. – Из чего его гонят? Из дерьма, что ли?

– Вот я и говорю: ты алкаш. Потому что не способен к логическому мышлению. Она оставила тебе деньги. Разве просто так дают деньги?

– Не-а, не дают, – ответил Макар, изучая полки холодильника, на которых было шаром покати. Вдруг он расцвел. – Там же куча бабок! Надо только поменять!

– От тебя перегаром несет за версту. В банке тебя с лестницы спустят.

– А я на рынке обменяю, там менялы не привередливы... – торопливо одевался Макар. – И хватит мне на нервы действовать! Хватит! Мне тридцать пять! Тебе тоже! Мы равны! Но ты почему-то избрал тактику педагога! Я уже не мальчик!

– Пойдешь на встречу? – словно не слышал пламенной речи Дергунов-два.

– Чего пристал? – вышел из себя Макар. – Чего ты пристал ко мне?

– Тебе неинтересно, зачем красивая женщина посетила твой свинарник?

– Слушай, я есть хочу, понял? – ушел от ответа Макар. – Значит, я не алкаш. Алкаши, когда пьют, есть не хотят, а я хочу, понял? Сейчас пойду, куплю жратвы...

– ...и пол-литра, – ехидно дополнил Дергунов-два. – А можешь заработать много больше сотни евро. Хватит на несколько месяцев умеренного пьянства.

– Иди ты! – Макар остановился у двери. – Я не подумал. Считаешь, она мне работу предложит?

– Мне так показалось. – И фыркнул: – Она же назвала тебя гением.

– Ну, раз такое дело... – почесывая затылок, произнес Макар. – Ладно, сегодня не пью. Но поесть-то надо купить? Ты со мной?

– Пожалуй, проветрюсь, а то здесь сплошной смрад. Мне было стыдно принимать в этом свинарнике такую женщину.

– Слушай! – Макар резко повернулся к наглецу. – Ты – это я, понял? Захочу, тебя не будет. Так что не очень-то на оскорбления переходи.

– А то что будет? – без интереса спросил Дергунов-два.

– Не пойду на встречу, а куплю пару бутылок и выпью. После второй бутылки ты исчезнешь, – мстительно заявил Макар.

– Я исчезну, когда ты перестанешь пить, – пообещал Дергунов-два. – Одни алкаши чертей гоняют, другие со змеями воюют, а к тебе приходит твое собственное «эго», то есть я. Ты во всем оригинал, галюники тебе являются тоже оригинальные.

Настоящий Дергунов не понял ничего из разглагольствований своего второго «я», да и привык он к словесным выпадам, посему набросил куртку, схватил кепку и выскочил на улицу. К рынку шел, чуть ли не вприпляс, с наслаждением вдыхая свежий воздух.

Алина рассеянно глядела в окно. Имея достаточный стаж водителя, чтобы вести машину на автопилоте, Денис то и дело косился в ее сторону, ожидая, что она сама поделится впечатлениями о Дергунове. Но Алина ни словом не обмолвилась, только с грустью смотрела на дома и прохожих, если вообще видела их. На светофоре он все же заговорил:

– И как он тебе?

– Извини, я задумалась, – очнулась она. – Ты о Дергунове? Я разочарована.

– Не спеши с выводами, Алина, – и он ободряюще взял ее за кисть руки.

Впрочем, его жест был не столько ободряющим, сколько намекающим. Ну, на что может намекать одинокий мужчина, к тому же обделенный природными данными? Наверняка судьба примчалась в день его рождения и, будучи в хорошем расположении духа, щедро его одарила: будешь умен, красив, импозантен, проявишь талант юриста, заработаешь много денег, десятки женщин станут мечтать о тебе. Потом подумала, что переборщила, и добавила: после тридцати начнешь лысеть и полнеть, по характеру будешь коммуникабельным, но излишне резким, это тебе, чтоб и трудности познал, но ты справишься, ангелок.

Если бы Алина в ответ хотя бы чуточку сжала его пальцы... Но ее рука осталась лежать спокойно, да и холодная была, как у мертвеца.

– Некоторые делают трагические ошибки, судя людей по внешним признакам, – пересякая перекресток, сказал Денис. – О Макаре ходят легенды, он действительно ас в своем деле.

– Мне так не показалось, – тяжело вздохнула она. – По-моему, он законченный алкоголик. Видел бы ты его.

– Алина, в нашей стране половина населения алкоголики, однако работу свою выполняют исправно. И кто знает, что лучше – занудливый трезвенник, лишенный божьей искры и не умеющий делать открытий, или алкаш, который способен старый пылесос превратить в комбайн? Мы народ непредсказуемый, вдруг разом все бросим пить, задумаемся и... что произойдет? Новая революция?

– Неутешительный прогноз, – вяло отозвалась Алина на его шуточный тон. По всему было видно, что ее занимают собственные мысли гораздо больше, чем какой-то Дергунов с алкоголиками всей страны. – Выходит, здесь творить могут только несчастные, обделенные люди? Это, Денис, заблуждение. Несчастный человек может придумать только велосипед, у него же мысль не летает, а по земле ходит.

Остановились на следующем перекрестке, Алина замолчала и, казалось, перенеслась в какое-то другое измерение, где ей тоже было невесело. Денис наблюдал за ней, поглаживая руль, а думал о том, что изменилась она до неузнаваемости. Возможно, дело в одежде от известных фирм, в манере говорить, двигаться, держать предметы в руках, слушать. Возможно... Но Алина не обезьянка, копирующая повадки сородичей. Что-то изменилось внутри у нее, оттого видоизменились и манеры. Впрочем, прошло десять лет. Это большой срок, это целая жизнь. Естественно, что Алина вернулась другой. Она другая во всех смыслах, к соотечественницам уже не имеет отношения. Денис Колотов адвокат, знает женщин, которые принадлежат к самым различным прослойкам, включая высшие ранги. Он с уверенностью может сказать, что ни одна из этих женщин не несет в себе признаков голубой крови и белой кости. Это разбогатевшие или удачно вышедшие замуж бабы. Они, конечно, пытаются слепить из себя благородных дам, но в неподходящие моменты природа берет свое, взору и ушам открывается такое... одним словом, бабы.

Алина переродилась в нечто далекое от тех людей, с которыми росла. Ее детство прошло во дворе, где жил рабочий класс, а она была тогда обычной девчонкой, вредной кривлякой. Он наблюдал за ней уже две недели и не находил даже тени той дворовой девчонки. Теперь это была спокойная, умеющая скрывать и подавлять эмоции женщина, она уверена в себе, уверенность не выставляет напоказ, впрочем, и не прячет. Скорее, Алина предельно естественна в поведении, чем сковывает окружающих, иногда они начинают вести себя рядом с ней просто глупо. Алина ни намеком не дает им понять, что ей смешны жалкие потуги собеседников, пытающихся взобраться на одну с ней ступень. Она всегда над ситуацией и не подчеркивает свое преимущество. Достоинства ли это? Наверное, да, но там, на Западе. А здесь эти качества близки к недостаткам, потому что привносят дисгармонию в отношения между людьми. У нас не любят чье-то превосходство, подобные Алине люди вызывают глубокую неприязнь – таково мнение Дениса.

Он поехал по широкому проспекту, залитому холодным солнцем.

– Знаешь, меня пугают неудачники, – неожиданно сказала Алина. – Обычно эти люди живут с затаенной ненавистью в душе, они ненавидят все и всех. Иногда сами не догадываются о размерах своей ненависти, но уж когда догадаются, превращают мир в ад, какой и не снился его обитателям. И тогда происходят события страшные, заставляющие содрогаться...

– Ты построила эту жуткую теорию после встречи с Макаром? – Денис рассмеялся, давая понять, что опасения ее беспочвенны. Он не замедлил подкрепить смех словами: – Макар безобиден, честное слово. Человек он порядочный, достаточно эрудированный, правда, последний год не пополняет интеллект знаниями, тем не менее с ним можно говорить практически на все темы. О его пристрастии я предупреждал тебя, жажда выпить в нем живет на молекулярном уровне. Но учти, когда он работает, в рот не берет ни капли! Потому что профессионал. Настоящий профессионал справляется и со своими низменными

страстями во имя призвания. Поверь, если Дергунов возьмется за твое дело, считай, оно в шляпе. Ни мы с тобой, ни милиция ничего не смогли раскопать. Кстати, почему у тебя такое мрачное восприятие действительности, Алина? Ты не похожа на женщину, избитую судьбой до синяков, а рассуждаешь как пораженка.

– Не могу объяснить, – пожалала она плечами. – Понимаешь, Денис, когда я приехала, меня не умилила родная улица, на которой я жила, камни, по которым ступала. Я от них отвыкла, а больше обращала внимание на людей, они-то и поразили меня. Взгляни сам. Найди хотя бы одно лицо просветленное, улыбочливое, доброжелательное. Не нашел? Трудно найти. Вон идет женщина. Губы поджаты, изогнуты дугой недовольства, взгляд недоверчивый. А вон мужчина оглядывается, словно обокрал кого-то. Две с половиной недели я нахожусь в городе и не узнаю его. Как будто меня окружают морально истерзанные люди.

– То, о чем ты говоришь, называется социум, – сказал с иронией Денис. – Это временное явление, Алина. Людям пришлось и приходится туго, они заняты проблемой добывания денег, которых всегда не хватает. Переходный период длится очень долго, но не все так печально, поверь. Есть люди, достигшие хороших результатов, они заслуживают уважения и восхищения.

– Вот видишь, и ты делишь людей на удачников и неудачников. Но неудачников, Денис, стало больше, я об этом говорю. Это опасные люди, твой Макар Дергунов...

– Алина, – перебил он, – давай подождем до вечера, может стать, ты переменишь свое мнение о нем.

– Пока все равно другого варианта нет.

– Тебя в гостиницу или пообедаем?

– Я не хочу есть. Вези в гостиницу.

– Как тебе наш отель «Интурист»? – переменял он тему.

– Вполне прилично.

Денис снова покосился на Алину, ибо в ее характеристике гостиницы уловил нотки смирения с обстоятельствами.

– Тебя что-то не устраивает? – поинтересовался он. – Я ведь предлагал пожить у меня, где тебе не нахамит горничная, потому что ее нет.

– Не беспокойся, меня все устраивает, – заверила Алина. – Денис, ты забыл, что я русская. А русского человека не испугает никакая горничная, метрдотель, или портье. Не испугает отсутствие воды, канализации и прочих благ цивилизации.

– Как скажешь. Я только предложил. Тогда до половины седьмого?

– Да.

Он вышел открыть ей дверцу и, обходя машину, про себя усмехнулся. Поначалу его шокировало поведение Алины. Ну, все знают, что даме следует открывать дверцу, но ведь никто этого не делает. Дама сама спешит покинуть автомобиль, чтобы – не дай бог! – ее приятель не сделал лишнего движения. Вот и забыли мужчины о такой мелочи, как дверца автомобиля. Однако Алина сидела в машине до тех пор, пока Денис не вспомнил, чего она ждет. За две с половиной недели он привык открывать и закрывать дверцу авто.

Она поднялась на лифте, вошла в номер, бросила сумочку в кресло, а сама упала на кровать во второй комнате. Упала и замерла с открытыми глазами. Над ней навис не потолок, а вина. Это щемящее чувство, преследующее ее по пятам. Чем больше Алина находилась здесь, тем чаще ее охватывала вина. Пока без причин.

2

В семь Макар Дергунов в сопровождении Дергунова-два вошел в зал ресторана, где ему не приходилось бывать ни разу. Он гладко выбрился, погладил рубашку и даже повязал галстук. Лоска не приобрел, тем не менее остался доволен своей наружностью. Макар остановился у входа, сунул руки в карманы старых джинсов, приподнял подбородок и натянул нижнюю губу на верхнюю, прищурился. Поза означала: видал я вас всех... и так далее. Вопреки его ожиданиям большинство столиков было занято, так что Макару пришлось внимательно изучать зал в поисках утренней незнакомки. А с бодуна разве запомнишь? Он немного стух, так как не ожидал, что пригласившая его дама не придет на свидание. Макар второй раз, более пристально, изучил зал, выручил его Дергунов-второй:

- Она за столиком в дальнем левом углу. С ней Колотов.
- Вижу, – хмыкнул Макар и вразвалочку направился в угол.
- Ни черта ты не видел, – уличил его Дергунов-два, следуя за ним.

Макар правда ее не запомнил, что непростительно человеку, занимавшемуся в недалеком прошлом сыском. Поэтому, приближаясь к столику, засомневался: она это или не она? Слишком хороша, слишком шикарна, слишком... Больше у него не нашлось сравнений, хотя они и вертелись в уме, просто он не припомнил их. Наверное, от волнения. Да, Макар разволновался. Потому что, только идя по гладкому паркету ресторана к странной женщине, рискнувшей прийти к нему одной и кинувшей на опохмелку две купюры в иностранной валюте, он вдруг подумал: зачем она это сделала? Есть в этом нечто, вызывающее любопытство. По мере приближения к столику, он отметил, что она оживилась, когда его увидела. Разумеется, не вспорхнула с места, не раскудаhtалась, приветствуя гостя, но всего-то подняла светлые глаза и в лице ее промелькнула надежда – вот и все оживление. Очевидно, Макар действительно ей нужен.

- Добрый вечер, Макар, – сказал Колотов, встав и протянув руку. – Садись.
- Ну что, присядем? – спросил Макар у своего второго «я».
- Падай, – ответил Дергунов-два. – Я постою.

Незнакомка перевела недоуменный взгляд на Колотова, но тот воспринял бормотание Макара как само собой разумеющееся, сказал:

- Разреши, Макар, представить. Это Алина Дюбери, она приехала из Бельгии.
- Очень приятно, – пожал плечами Макар, давая понять, что ему глубоко безразлично, откуда прибыла Алина. Он спросил Дергунова-два, который оперся рукой о спинку его стула и рассматривал незнакомку с иностранной фамилией с огромным интересом: – Чего ей от меня нужно?

Но ответил не Дергунов-второй, а Колотов:

- Немного терпения, Макар. Что будешь пить?
- Сначала дело, – коротко сказал он, приподняв ладони.
- Ну, тогда дело вот в чем. Алина не может найти родную сестру. Она не была здесь десять лет, приехала к сестре, а ее нет. Никто не знает, где она живет.
- Это не по моей части, – насупился Макар, так как дело гроша ломаного не стоит, побеспокоили его зря. А раз зря, стало быть, бабки отнимут. Нет, он мог бы ударить кулаком в грудь, мол, я справлюсь, хотя дело трудное и т. д. Но, считая своим достоинством порядочность, сказал правду: – Обратитесь в специальные службы, ее отыщут по прописке через компьютерную сеть. К счастью, прописку у нас никто не отменял.

Собственно, на этом можно было закончить свидание, но захотелось выпить, тем более что официант принес вино и коньяк, поставил на стол закуски. Только теперь никто не предлагал ему выпить. Алина утонула в печали, Колотов закурил сигарету, поглядывая на Макара

с укором. Кажется, пора и честь знать, ибо просто так, из добрых чувств, его поить вряд ли станут.

– Не торопись, – тихо предупредил Дергунов-два, когда Макар решился встать и попроситься. – Они не все сказали.

– Молчание не есть недосказанность, молчание есть конец, – ответил он.

– Что вы сказали? – встрепелась Алина.

– Так, мысли вслух, – не смутился Макар.

– Макар иногда разговаривает сам с собой, – пояснил ей Колотов, наливая даме вино, а себе и Дергунову коньяк. – Впрочем, диалоги с самим собой ведут многие люди, но скрывают это, как недостойный факт, ведущий в дом умалишенных.

– Слышь, – обратился Макар к Дергунову-два, – он намекает, что я псих.

– Ты и есть псих, – подтвердил тот шепотом, будто его кто-то кроме Макара способен увидеть и услышать. – Потому что горький пьяница.

– Вы неправильно поняли Дениса, – вступилась за друга Алина. – Он не хотел вас обидеть, а если обидел, простите его. Денис мне рекомендовал вас как лучшего сыщика...

– В прошлом, мадам, – хмыкнул Макар и алчно уставился на желанную рюмку.

– Это неважно, – сказала она, не в меру разволновавшись, отчего раскраснелась. – Мы две с половиной недели разыскиваем мою сестру, но у нас ничего не вышло. Мне почему-то кажется, что с ней стряслась беда. Мои ощущения ни на чем не основаны... разве только одно из писем дает право подозревать... Пожалуйста, помогите мне. Вы – моя последняя надежда.

– Мадам, людей ищут годами, если они пропадают. Две недели это малый срок для поисков и положительного результата.

Он снова посмотрел на рюмку и проглотил слюну, раздосадованный тем, что налить налили, а выпить не предлагают. А если без предложения? Рука непроизвольно потянулась к рюмке.

– Веди себя прилично, – предупредительно шепнул Дергунов-второй. – Ты не со своими алкашами под лестницей находишься.

– А что я такого сделал? – выпятил нижнюю губу Макар.

– Нет-нет, все хорошо, – поспешила заверить его Алина, принявшая фразу на свой счет, и взяла бокал. – Давайте выпьем? А то у нас не завязывается разговор. За знакомство?

Макар с радостью подхватил рюмку и с наслаждением прильнул губами к краю. Он пил медленно, смакуя глотки.

– И не застрянет же в глотке! – проворчал Дергунов-два, намекая на непомерную страсть к алкоголю.

– Ну, кто говорит под руку?! – едва не поперхнулся Макар.

– Что? – спросила Алина, накалывая на вилку кусочки чего-то эдакого, явно вкусного.

– Опять мысли вслух, – улыбнулся ей Макар. После рюмки коньяка он приятно расслабился, повеселел и решил не уходить, пока не опустошит бутылочку полностью. – Так в чем проблема, уважаемая?

– В моей сестре. – И великолепные, серо-голубые глаза Алины потемнели, что прибавило им загадочности. – Ее нигде нет.

– Ну, начнем с того, – он принялся уплетать блюда, – где она должна быть?

– Не знаю.

На миг Макар замер и с искренним сочувствием изучал лицо Алины, которая не знает, где находится ее родная сестра.

– У вас были натянутые отношения? – наконец осведомился он.

– Нет, – потупилась Алина. – Думаю, у нас были бы замечательные отношения, если бы я жила здесь. Но я была очень далеко, не могла приехать...

– Или не хотела, – предположил Дергунов-два.

– Точно, – согласился с ним Макар и воспользовался подсказкой своего двойника: – Может, вы не хотели сюда приезжать?

Заметив явное замешательство Алины, он догадался, что попал в точку. Но вот уж чего не ожидал от себя лично, так это жалости. Ему вдруг стало жалко молодую женщину с печальными глазами грешницы. Он поторопился закамуфлировать бестактный вопрос.

– А я вас понимаю. Здесь тоскливо, бесперспективно, скучно.

– Неплохо ввернул, – похвалил его Дергунов-два. – Но скучно тем, кто ленив.

– Давай-ка, Алина, я немного разъясню положение, – предложил Колотов. – Понимаешь, Макар, Алина переписывалась с сестрой, потом эта процедура упростилась, когда повсюду распространился Интернет. Какое-то время они продолжали вести переписку, потом Алина стала получать писем все меньше и меньше. Затем наступил перерыв, когда от Вероники – это сестра Алины – вообще не было известий в течение полугода. После переписка возобновилась, Вероника извинилась, что не писала, а также сообщила, что вышла замуж. Они продолжали переписываться, как вдруг однажды Алина получает письмо. Может, ты сама дальше расскажешь?

– Да, пожалуй, – кивнула Алина. – Это было даже не письмо... так... записка... Впрочем, и запиской не назовешь то, что я получила...

– Так что же вы получили? – нетерпеливо поглядывая на бутылку коньяка, спросил Макар. Денис спохватился, налил ему и себе.

– Всего два слова – «спаси меня». Написаны заглавными буквами. И все. За этими словами не следовало точки, что нетипично для Вероники, она пишет грамотно. Мне показалось, что сестра не дописала письмо.

– А подпись? Подпись была?

– И подписи не было. Только «спаси меня» без точки. Она всегда раньше подписывалась.

– А как вы узнали, что это писала ваша сестра?

– Сразу видно, что вы не имеете дел с электронной почтой, – улыбнулась Алина.

– Что такое Интернет я знаю, пользовался услугами Сети, но личную переписку мне не приходилось вести, не с кем было списываться.

– Когда открываете свою почту, вы видите, кто прислал вам письмо, там есть обратный адрес, который вносится автоматически.

– Понял, – кивнул Макар и, не дожидаясь тоста, выпил. – Дальше что?

– Письма, – сказала почему-то с большим недоумением Алина. – Она стала писать реже, но писала. Я отвечала...

– Вы спрашивали ее, почему Вероника написала «спаси меня»?

– Н-нет, – потупилась Алина. – Я ждала, что она сама объяснит... Но сестра не объяснила. Меня что-то удерживало задать ей этот вопрос.

– В таком случае не понимаю, что заставило вас приехать в такую даль.

– Письма.

– Ты что-нибудь понял? – спросил он Дергунова под номером два, который слушал очень внимательно, положив локти на спинку стула, на котором сидел настоящий Макар. Ненастоящий Макар отрицательно мотнул головой, зато ответил Колотов:

– Конечно, понял. Алину насторожили письма.

– Чем насторожили? – недоумевал Макар.

– Тем, что Вероника не дала объяснений словам «спаси меня», – сказала Алина.

Взяв желанную рюмочку, Макар ухмыльнулся:

– И все?

– Ты ведешь себя, как свинья, – шепнул ему Дергунов-второй.

– Отстань, – отмахнулся от него слегка захмелевший Макар.

– Это вы мне? – хлопнула глазами Алина.

– Что вы, – развел он руки в стороны. – Это я себе. Не обращайтесь внимания. Значит, вас насторожили послания, в которых не было объяснений словам «спаси меня». Но эти слова были. И пришли они от имени вашей сестры, я правильно понял?

– Да, – коротко ответила она.

– Вы, неудовлетворенная ее письмами, спешите к нам в город, – продолжал допрос Макар.

– Да, – перебила его она. – Я подумала, здесь что-то не так...

– Приезжаете сюда и не находите сестру, – подытожил Макар. – По какому адресу проживала ваша Вероника? (Алина опустила глаза.) – Вы знали ее адрес?

– Нет, – тихо ответила Алина.

– Не делай скоротечных выводов, – поспешил шепнуть Дергунов-два, так как Макар выдержал красноречивую паузу, а на лице его было нарисовано: вы не знали, где живет ваша сестра? А как такое может быть? Дергунов-два оправдал Алину: – Они жили в разных странах, их разделяли тысячи километров, а переписку вели по электронной почте, где *домашний* адрес не указывается.

– Допустим, – согласился с ним Макар, подумав: «Раз Вероника вышла замуж, то соответственно сменила фамилию». – А фамилия мужа вашей сестры вам известна?

– Нет.

Макар скрестил руки на груди и уже с интересом смотрел на эту почти небесную женщину, которую совсем не интересовала земная жизнь. А земная жизнь состоит из элементарного и короткого списка: окружающая среда, твои родственники и знакомые, твои цели, методы их достижения. Алина не знает фамилию мужа сестры – это как? А что она вообще знает о новой жизни сестры? Он и закидал ее вопросами, но (как скучно!) уже знал ответы:

– А за кого вышла замуж ваша сестра? Чем он занимается? Из какой прослойки? Сколько ему лет? Это, надеюсь, вам известно?

– Очень мало. Вероника писала, что вышла замуж за хорошего человека, но ничего конкретного.

– Отлично, – негативно высказался Макар. – Как же вы хотите найти сестру с именем Вероника, которых в России если не миллионы, то уж тысячи – точно? Без сомнения, она сменила фамилию, но вы ее не знаете, вы ничего не знаете о своей родной сестре.

– Вы правы, – сдержанно произнесла Алина, а, судя по лицу, ей хотелось плакать, но она не позволила себе этой слабости. – Я ничего не знаю о Веронике, ничего. Я старше ее на десять лет, когда уезжала за границу, ей было тринадцать. Я запомнила ее подростком с непропорционально вытянутыми ногами, с худенькими руками, длинной шеей, запомнила гадким утенком. Вот и все. Вероника осталась с мамой. Наша мама занялась предпринимательством, что-то у нее сложилось не так, она влетела на крупную сумму, ее посадили за мошенничество. А я... Сначала я училась и работала уборщицей в ресторане, потому что там можно было убирать ночью. Я выживала. А потом встретила своего мужа и была без меры счастлива. Знаете, ничто так не застит глаза, как счастье...

– Она не дура, – оценил Дергунов-два.

– Я получала письма от младшей сестры и даже не представляла, каково ей приходится. Конечно, я следила за новостями из России, но там они преподносятся однобоко, понять ситуацию невозможно. Когда маму посадили, я стала высылать Веронике деньги, ведь она училась, мне следовало позаботиться о ней. Но я не читала между строк, меня не занимало состояние моей сестры, потому что мне казалось, посылая деньги, я выполняю свой долг, и этого вполне достаточно. Она рассыпалась в благодарностях...